

Ettore Gherbezza,
Dizionario di italianismi in russo

(= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32), Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 pp.

Марина Анатольевна Бобрик

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Marina A. Bobrik

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Книга Этторе Гербеццы открывается восходящей к Л. Витгенштейну метафорой языка-города. Лексика как разомкнутое множество разнородных элементов похожа, пишет Гербецца, на «город, в котором есть старые, иногда даже древние дома и дома новые, построенные совсем недавно; есть старые кварталы, в которых дома — заброшенные или подновленные — теснятся друг к другу; и есть новые районы, более правильные и (возможно) менее привлекательные» («[...] una città fatta di case vecchie, a volte antiche, e di case nuove, modernissime; di quartieri in cui le case più vecchie sono addossate le une alle altre, in alcuni casi abbandonate e in altri ammodernate, e di quartieri nuovi, dall'aspetto più razionale e (forse) meno attraente», p. 1). В книге итальянского лингвиста эта метафора ассоциируется с образом «невидимых городов» Итало Кальвино («Le città invisibili», 1972). «Словарь итальянизмов в русском языке» вызывает в воображении построенный из разнородного и разновременного материала *città invisibile*, невидимый итальянский город внутри русского языка.

Цитирование: Бобрик М. А. [Рец:] Ettore Gherbezza. Dizionario di italianismi in russo (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 p. // Slověne. 2020. Vol. 9, № 1. С. 475–487.

Citation: Bobrik M. A. (2020) [Rev. of:] Ettore Gherbezza. Dizionario di italianismi in russo (= Biblioteca Ambrosiana. Fonti e studi. 32). Milano: Biblioteca Ambrosiana, Centro Ambrosiano, 2019, 377 p. Slověne, Vol. 9, № 1, p. 475–487.

DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.1.17

Труд Этторе Гербеццы заслуживает внимания и благодарности уже тем, что труд этот — первый такого рода в русистике¹. Впервые воедино собран репертуар слов итальянского происхождения в русском языке и те наблюдения, которые накоплены к настоящему времени в лексикографии и специальной литературе. Такое обобщающее лексикографическое исследование подводит промежуточный итог целой области как итальянистики, так и русистики — области изучения итальянско-русских лексических контактов — и в то же время открывает в русистике новый лексикографический жанр. Словарь подготовлен очень тщательно, с большой филологической и лингвистической культурой. Составлен он в итальянской языковой перспективе. Начальный импульс исходил в начале 2000-х гг. из более широкого замысла группы лингвистов (Luca Serianni, Lucilla Pizzoli, Leonardo Rossi) собрать итальянизмы в разных языках мира и продемонстрировать таким образом пути культурно-языкового распространения итальянского языка. Словарь итальянизмов, вошедших во французский, английский и немецкий, был издан в 2008 году под редакцией Харро Стаммерйохана и его коллег («Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco», далее DIFIT). «Русская идея» этого подхода нашла воплощение в книге Э. Гербеццы².

Собственно словарь обрамлен введением и аппаратом, последний включает в себя указатели и библиографию.

Во введении «Итальянизмы в русском языке» читатель (а словарь этот очень интересно именно читать) получает представление о теоретических основах словаря.

Ключевое понятие работы — *итальянизм* (italianismo) — в русле концепции Х. Стаммерйохана [Stammerjohann 2010] и DIFIT толкуется расширительно. Словарь составляют «все те слова итальянского языка, которые вошли в русский язык и достаточно утвердились в нем, в Средневековье или в Новое время, в освоённой или неосвоённой форме, прямым или опосредованным путем» («tutte le voci proprie della lingua italiana che sono entrate in russo in modo sufficientemente stabile, sia in epoca medievale che moderna, in forma integrata o non integrata, per via diretta o indiretta», р. 2–3). Такое понимание предмета исследования обусловлено вниманием к изучению путей и форм осуществления языковых контактов, к взаимодействию языка и культуры.

Составитель стремится проводить различие между заимствованиями морфологическими и семантическими, полными и частичными, не обходя неясных случаев и «псевдоитальянизмов». В согласии с традицией в число итальянизмов Гербецца включает слова региональных языков (будь то венецианские термины морского дела или геологические неаполитанизмы), а также слова других языков, опосредованные итальянским (например, *арсенал*, *артишок* или *тариф*, вошедшие в европейские, а затем и в русский язык не напрямую из арабского, а через итальянский, в эпоху, когда Италия была посредником в культурных контактах Европы и Ближнего Востока).

¹ Сходные идеи лежали в основе словаря германизмов в польском языке [DLP], хотя условия и характер контактов в этом случае были во многом иными.

² Ср. лексикографическую базу данных Института немецкого языка им. Лейбница (Leibniz-Institut für deutsche Sprache; <http://lwp.ids-mannheim.de>), куда интегрирован и DLP (ср. примеч. 1).

Э. Гербецца стремится включить в словарь только достаточно утвердившиеся в русском языке итальянизмы. Критерием стабильности служит при этом фиксация слова в лексикографических источниках. Регистрация отдельных употреблений в текстах художественной литературы или публицистики недостаточна, так как эти употребления могут носить окказиональный характер и отвечать очень конкретным речевым и художественным задачам. Строгость ограничения позволяет отсеять до поры до времени неустоявшиеся заимствования (в частности, многочисленные гастрономические варваризмы, которые мы в изобилии видим на страницах российских меню). Впрочем, на практике лексикографический критерий проведен не вполне последовательно, в некоторых случаях опорой служат исключительно данные Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ; даже единичные вхождения, как в случае *бариста*).

Первый из двух основных разделов предисловия посвящен культурному измерению русско-итальянских лексических контактов („La dimensione culturale“, р. 4–19), здесь дается абрис основных культурных эпох итальянско-русских лексических контактов. На графике (р. 11) наглядно представлена количественная динамика итальянизмов, вошедших в язык в каждую из эпох. Наибольшее число ожидаемым образом приходится на XVIII век (499 слов), и это ощущается как взрыв даже на фоне сравнительно открытого заимствования XVII века (74 слова). В XIX и XX веках количество итальянизмов последовательно уменьшается (соответственно, 222 и 155 слов). Сейчас, в XXI веке, запас новых заимствований, по данным Э. Гербеццы, пока невелик (25 слов) и лишь чуть-чуть превышает количество итальянизмов, вошедших в русский язык в XVI веке (22 слова).

Восстанавливая образ итальянской культуры, отразившийся в зеркале русской лексики, Э. Гербецца приходит к выводу, что образ этот немногим отличался от отражения итальянской культуры в других языках Европы, разве что в русский язык соответствующие заимствования, нередко опосредованные одним или несколькими языками, приходили с запозданием (р. 5). Состав заимствований и состав посредников в ходе истории менялись. Три эпохи с присущими им основными группами заимствований выделяет Э. Гербецца в своем введении к словарю:

Средневековье: морское дело, архитектура, типографское дело (р. 5–10).

Новое время: музыка, искусство, финансовое дело (р. 10–16).

Современная эпоха: точные науки, политика, гастрономия (р. 16–19).

В эпоху Средневековья контакты происходили в большей мере через морские пути и были обусловлены торговлей и жизнью черноморских колоний Генуи и Венеции. Контакты могли быть непосредственными или опосредованными. Не всегда можно с уверенностью назвать источник заимствования — итальянский, венецианский или *lingua franca* черноморского региона. Именно в зоне этих контактов появляются первые итальянизмы — названия ветров *бора*, *гарбин*, *грего*, *майстро* (из венецианских *bora*, *garbin*, *grego*, *maistro*). До сих пор в русском языке сохраняются восходящие к этой эпохе команды *вира* и *майна* (из также венецианских *vira*, *maina*).

Следующая волна морских терминов придет в XVIII в., но через посредство голландского языка (хотя еще при постройке петровского флота в Воронеже в роли экспертов выступали венецианцы): *авария*, *баркас*, *компас*, *фрегат* и др.

В сфере архитектуры список терминов открывается словом *башня*, вошедшим в русский язык в XVI в. и восходящим через посредство польского, белорусского, чешского к ит. *bastia*. Многовековое присутствие итальянцев в русском зодчестве [Седов 2000; Sedov 2004] как будто бы не оставило следа в языке, кроме термина строительной техники *бут*, возможно, из *bottare*, *buttare*. В петровское время ряд терминов (*цоколь*, *архитрав* и некоторые другие) заимствуется непосредственно в процессе перевода трактата Якопо Бароцци да Виньола „Regola delli cinque ordini d'architettura“, 1562 (рус.: Джакомо Виньола, «Правило о пяти чинах архитектуры», Москва, 1709). Позднее, в течение XVIII в., термины архитектуры, в том числе военной, как правило, опосредованы французским языком: *кариатида*, *колоннада*, *парапет*, *балюстрада*, *фестон*, *фронтон*, *равелин* и др.

В военной сфере старейшие термины *капитан* и *солдат* восходят к 1-й четверти XV и к XVI в., когда авторитет итальянцев как военных специалистов был в Европе очень высок. Многие слова вошли в XVI в. через польский и немецкий: *бомба*, *бригада*, *генералиссимус*, *граната*, *кавалерия*, *кампания*, *капрал*, *мушкет*.

Термины книгопечатания и названия типографских ремесел — *батырщик*, *тередорщик*, *марзан*, *маца*, *касса* (типографская) — появляются начиная с 1-й половины XVII в.

Итальянизмы Нового времени неравномерно распределяются по нескольким группам. При общеевропейском господстве французского языка как языка секулярной аристократической культуры в определенных областях роль законодателя принимал на себя итальянский язык. Наиболее значительно количество заимствований (не менее двухсот) в области музыки и музыкального театра. Обычно они попадали в русский прямым путем из итальянского, но в некоторых случаях также через французское и немецкое посредничество. В сер. XVII — сер. XVIII в. в придворной и городской культуре итальянский принял на себя функцию европейского языка мелодрамы и пения. В России использование итальянской музыкальной терминологии ко 2-й пол. XVIII в. уже приобрело массовый характер. До сих пор в языке сохраняется множество усвоенных тогда терминов: *аллегро*, *анданте*, *меццо-форте*, *пианиссимо*, *туба*, *фагот*, *ария*, *каприччо*, *опера*, *бельканто*, *либретто*, *сольфеджио*, *бутафор* и т. д. и т. п. С тех пор мы кричим в театре и в концерте *браво!* (*bravo* м. ед. 'отличный') — словечко, впервые отмеченное в Неаполе в начале XVI в., а в XVIII в. стремительно утвердившееся в европейских языках: в немецком (1715), французском (1738), английском (1761) и напоследок в русском (1764), где закрепилось в качестве несклоняемого междометия. Достаточно перечитать «театральную» строфу «Евгения Онегина» («Но уж темнеет вечер синий...»), которую цитирует автор словаря, чтобы представить себе степень насыщенности тогдашнего театрального воздуха итальянизмами.

Слова из области изобразительных искусств (*гуашь*, *карикатура*, *колорит*, *Пьета*, *торс*, *фреска*, множество специальных терминов живописной техники) приходят в русский язык в XVIII и в особенности в XIX в. — в эпоху ампира и неоклассики, путешествий к римским руинам и итальянских стипендий Академии художеств. Итальянизмы этой группы оказываются общими для основных европейских языков и в их числе русского, так что в области искусства итальянский становится своего рода *lingua franca* (p. 15).

Однако и в области коммерции и финансов влияние итальянского довольно заметно. Поньше в употреблении большое число слов, импортированных в XVIII–XIX вв.: *банк, банкир, банкрот, кассир, текущий счет* (калька с *conto corrente*) и др. Каждый знает, что такое *брутто* и *нетто*, и еще вовсе не ушел из жизни *ломбард* — слово, хранящее в себе смутную память о том, что когда-то, в начале XVIII в., ростовщиками зачастую были выходцы из северной Италии, «ломбардцы».

Отличается от предыдущих тот облик итальянского языка, который отражается в русской лексике современности (XX-го и нынешнего веков).

Упоминания заслуживают итальянизмы в области научной терминологии, хотя их и немного. Если говорить о предыстории, то самые ранние относятся к сфере ботаники — это появляющиеся в текстах XVIII века *артишок, белладонна, брокколи*. В XVIII–XIX вв. пришел ряд терминов геологии: *гранит* и *лава* общепотребительны до сих пор. К заимствованиям XIX в. относятся и некоторые названия болезней: *инфлюэнца, малярия, пеллагра*. А вот XX в. принес термины физики, связанные с именем Энрико Ферми: названия *ферми* (единица измерения), *фермий* (химический элемент) и *фермион* (элементарная частица). Самым заметным вкладом итальянского языка в научную терминологию стало, впрочем, слово *нейтрино*.

Центральная по значимости роль досталась итальянизмам в языке политики. Заимствования здесь единичны, но каждое исключительно весомо, хотя бы в силу актуальности обозначаемых ими понятий: *фашизм* (в русском языке с 1920-х гг.), *тоталитарный* (с 1930 г.), *тоталитаризм* (с 1933 г.).

Массовый приток заимствований (главным образом, англо-американских) в постсоветскую эпоху Э. Гербецца рассматривает в широком контексте процессов одновременного обновления европейских языков. Специфику русской ситуации он, вслед за В. М. Живовым, видит в том, что обращение к западным моделям вызвано отталкиванием от дискредитировавшего себя языка советского времени (р. 19). Итальянский в этой новой перестройке языка, насколько пока видно, связан с едой, со сферой гастрономической терминологии, и в языке вполне утвердились и *карпаччо*, и *моццарелла*, и *паста*, и *пицца*, и еще недавно экзотические термины кофейной культуры *ристретто*, *капучино* и *эспрессо*.

Во втором из двух разделов предисловия обсуждается языковое измерение лексических контактов («La dimensione linguistica», р. 19–31) приведена типология итальянизмов (детально исследованная автором в более ранней работе [Gherbezza 2012]) и обсуждаются типы адаптации заимствований.

Э. Гербецца отмечает, что из двух основных типов контакта (заимствование и калька) среди итальянизмов преобладает первый, количество калек он оценивает всего в пару десятков (р. 19). Внутри калек автор различает семантические (*крестный отец* < ит. *padrino*), частичные (*кортик* < ит. *cortello*), синтагматические (*текущий счет* < ит. *conto corrente*) и синтематические (*идти в Каноссу* < ит. *andare a Canossa*).

Среди заимствований для словаря важно различение прямых заимствований (с их характерным итальянским фонетико-морфологическим обликом: *ризотто, фортиссимо*) и опосредованных другими языками и сохраняющих характерный для этих языков облик (в частности, французский: *мезонин, фасад*,

серенада, акварель, рельеф, вермишель; или голландский: *компас*). Э. Гербецца выделяет также многократные заимствования (*пастиччо* непосредственно из ит. *pasticcio* в музыкальном значении, наряду с *пастииш* — через фр. *pastiche* в значении живописном). Не желая упростить картину, автор словаря признает, что в ряде случаев единственный источник и путь заимствования указать трудно или невозможно и следует констатировать множественность источников (*origine multipla*), как, например, в случае *бригантина* (р. 24). Интересны заимствования ономастического происхождения, в основе которых лежат антропонимы (*страдивари*), топонимы (*болонья*) или маркионимы (*мартини, пластилин*); к этой группе в конце словаря есть отдельный указатель (р. 353–354). Особо отмечаются псевдоитальянизмы (общеупотребительные *латте, тутти-фрутти* и менее распространенные *плохиссимо, брателло*) — явление, имеющее типологические параллели в других ареалах языковых контактов (ср. в немецком языке псевдоанглицизм *Handy* ‘мобильный телефон’).

В этом же разделе введения (на р. 25–30) суммируются наблюдения над процессами адаптации итальянских заимствований. Здесь говорится, в частности, о некоторых любопытных закономерностях фонетико-орфографической адаптации геминат; о модификациях грамматического рода (*брокколи* усваивается ж. р. по аналогии с *капуста*; исконно форма мн. ч. *мафиози* приобретает род в соответствии с физическим полом); а также о явлении семантической редукции при заимствовании (*форте* перенимается только в музыкальном значении).

Собственно словарной части книги предшествуют краткие указания пользователю: структура словарной статьи, принципы транслитерации, сокращения и условные обозначения.

Словарь включает 1005 итальянских слов. Леммы расположены в порядке итальянского алфавита, что облегчает сопоставление с аналогичными словарями итальянизмов в других языках. Кириллический указатель их русских соответствий, облегчающий поиск русисту, помещен на р. 333–348.

В словарной статье четыре основных поля. В первом помещена итальянская лемма в том виде, какой она имела в эпоху заимствования. Удобны дополнительные знаки, дифференцирующие место лексемы в языке-источнике: если лексема вышла из употребления — крестик, если имеет диалектное происхождение³ — литера *d*, если связь с итальянским языком сомнительна — знак вопроса, а если слово представляет собою искусственный псевдоитальянизм — тильда. Рядом с леммой помещено русское соответствие (разумно называть его вслед за соответствующим итальянским термином репликой, ит. *replica*) вместе с грамматической характеристикой, транслитерацией и при необходимости отклонениями от стандартного произношения. Во втором поле видны все варианты, когда-либо бывшие в употреблении в русском языке. Третье поле заключает сведения о семантике русского слова: значения, лексикографические источники. В четвертое поле помещены историко-этимологические сведения: указывается, если возможно, дата первой фиксации в тексте, словаре и/или наиболее раннее вхождение в НКРЯ; отмечается также, прямое ли заимствование или опосредованное другим

³ В итальянской языковой ситуации под диалектом подразумевается, по сути, региональный язык, у которого может быть и письменная форма.

языком (другими языками). Статья замыкается историко-этимологической характеристикой итальянского слова-источника (на основе стандартных словарей итальянского языка и DEFIT).

В целом такая словарная статья представляет собою компактный, в меру подробный, четко структурированный комментарий к заимствованию, лингвистический и историко-культурный. Заключение в нем сведения дают возможность достаточно объемно представить себе историю данного заимствования: увидеть географическую, временную и семантическую траекторию слова, уловить как общность понятий в рамках европейской культуры, так и переосмысление понятий на границах национальных культур.

Так, междометие *баста* попадает в русский язык дважды, оба раза как карточный термин, однако лишь в 1-й четверти XIX века — как итальянизм (с редукцией значения). До этого, во второй половине XVIII века, как мы узнаём из словаря Э. Гербеццы (р. 74–75), омограф *баста* как термин популярной игры в ломбер ('крестовый туз') имеет, как и сама игра, испанское происхождение (*l'Homme, basto*) и вошел в русский язык через французский (*baste*). Дополнительно в комментарии упоминается, что последующее внутриязыковое развитие породило глагол *бастовать*, первоначально (в 1-й пол. XIX в.; по сведениям Виноградова [1999: 663], впрочем, уже с конца XVIII в.) также как карточный термин 'прекращать игру', затем (со 2-й половины века) в значении 'прекращать работу', откуда *забастовка* (первая фиксация в 1865 г.).

Таких историй на страницах словаря сотни.

К числу безусловных удач словаря относятся статьи о словах *тоталитаризм* и *тоталитарный*. Говоря в предисловии об интернационализмах такого рода, Э. Гербецца подчеркивает методологическую необходимость наряду со словарями русского языка учитывать источники и всех других языковых традиций, принявших в себя данное слово (р. 18). Благодаря такому широкому горизонту, автору удается показать несостоятельность распространенного в лексикографии суждения о том, что источником слова *тоталитарный* (впервые фиксируемого в русском языке ок. 1930 г.) явилось фр. *totalitaire* (первая фиксация в 1934 г.), оба слова представляют собою итальянизмы.

Читая подряд словарь или даже только указатель включенных в него русских итальянизмов, поражаешься их разнообразию. Кроме крупных тематических групп, о которых уже шла речь, это множество слов из самых разных сфер жизни, при этом технических терминов из общего числа 1005 всего 123 (их указатель помещен на р. 349–352). Тут и город (*эстакада, фабрика, магазин*), и быт (*штора, салфетка, матрац, штиблеты, парик*), и профессии (*почтальон, пилигрим, балерина*), и кино (*студия, сценарий*), и, казалось бы, совсем не «итальянская» еда (*рис, фрикаделька, карбонад, редис, вермишель, цедра, торт, цукат, пастила*), и пес *Полкан*, и *Буратино*, и *до-ре-ми-фа- соль*. И даже посконный *zipун* (ит. *ziprone*).

Словарь Э. Гербеццы — важная веха в изучении итальянско-русских языковых контактов, он открывает широкие перспективы дальнейших исследований в данной области. Нет сомнений, что у русистов (историков языка, литературы, культуры) эта работа вызовет живой интерес. Одно из направлений, открываемых словарем, — это дальнейшее изучение калек, фонд которых окажется,

можно думать, более широким, чем представляется сейчас. Ценные для истории русской сочетаемости и идиоматики источники — переводы с итальянского и двуязычная переписка (например, членов семьи А. Кантемира) — с этой точки зрения, по сути, еще не исследованы. Приведу лишь один пример. В XVIII в. переводчик итальянского плутовского романа о Бертольдо широко пользуется калькой с итальянского *saltare in mente*: «Какое дурачество всколыхнуло тебе в голову?», «Мнение, вскочившее в голову женам градским» и множество под. [Космолинская 2011, примеч. 27, 43]. Выражение *всколотить в голову*, уступая в употребительности синонимичному *прийти в голову*, дожило тем не менее до наших дней, и употребление в «Докторе Живаго» (*И вдруг мысль ей всколыхнула в голову, как бы его перехитрить*) — не единственное в НКРЯ.

В заключение хотелось бы предложить несколько произвольно выбранных конкретных дополнений и уточнений к словарю.

Уточнения требует, как представляется, самый ранний в материале словаря итальянизм *барка*. Исходя из названия источника — летописного свода Новгородской IV летописи, Э. Гербеца, как и его предшественники, полагает, что слово вошло в древненовгородский, и далее строит предположения о путях заимствования, возможных именно в Новгороде. Автор словаря склоняется к мнению, что *барка* усвоено из языка торговавших с городом североитальянских (ломбардских) купцов (р. 69), вопреки тем этимологам, которые допускают и другие пути, ср. свод мнений у А. Е. Аникина: «Судя по наличию в др.-новг. [...] возможно заимств. из ср.-н.-нем. *barke* или (согласно Черн. 1: 75) из сканд., ср. др.-сканд. *barki*, др.-датск. *barke* = датск. и др. *barck* 'барка, баржа' (FT 1: 50–51; Kl.21: 52)» [РЭС, 2: 221]. Участники дискуссии, как кажется, не учитывают контекста первой фиксации, а это тот фрагмент летописной «Повести о Митяе», в котором говорится о морском путешествии в Царьград. Текстологический анализ «Повести», проведенный Г. М. Прохоровым, показывает, что 1) интересующее нас слово относится к древнейшей редакции, существовавшей уже к 1408 г. и 2) уже в этой древнейшей редакции читается не *барка*, а *варка*: *И вложиша Митяя в варку* [Прохоров 1976: 248]. Такая форма недвусмысленно свидетельствует о посредничестве среднегреч. *βάρκα*⁴. И еще одна мелочь: упоминание под 1377 годом в летописи документируется списками не ранее XV в., поэтому строго говоря только дата списка может считаться датой первой фиксации. Итак, по-видимому, ит. *barca* становится известной в русском языке через посредство греческого в форме *варка* и впервые упоминается в сочинении последней трети XIV в. в составе летописи по списку XV в. Заново, уже непосредственно из итальянского, *барка* появляется в русском языке в венецианском контексте «Сказания о Флорентийском соборе» XV в. по списку XVI в.: *По всъмъ улицамъ [Венеции] воды, пьздать в барках* [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 74].

С выходом 30-го тома Словаря русского языка XI–XVII вв. можно дополнить картину бытования в русском языке итальянизма *tramontana*, восходящего, как указывает Э. Гербеца (р. 312), к *lingua franca* моряков. До сих пор была известна

⁴ В цепочке, восстанавливаемой в словаре А. Е. Аникина [РЭС, 2: 221] учитывается только др.-греч. форма, ср.: итал. *barca*, франц. *barque* и проч. < лат. *barca* < **bārka* (с суфф. *-ica*) < греч. *βάρης* < копт. *barī* 'челн (нильский)'.

только русская реплика со значением ‘северный ветер’, впервые засвидетельствованная в описании путешествия стольника П. А. Толстого 1697–1699 гг. В этом источнике, как полагают, слово *tramontana* заимствовано напрямую из итальянского или венецианского⁵.

Теперь мы располагаем еще одной реализацией этого итальянизма в русском языке — в ином виде и ином значении, однако статья Словаря XI–XVII вв. требует реинтерпретации. Лексема *трамунтанъ* отмечена в «Проскинитарии» Арсения Каллуды — описании Святых мест, переведенном на церковнославянский язык с греческого в 1686 г. Евфимием Чудовским [СлРЯ XI–XVII вв., 30: 94]⁶. В интересующем нас фрагменте Арсений, описывая Голгофскую часовню в Храме Гроба Господня, говорит о трех входах в часовню и их ориентации по сторонам света:

Тамо на Голгофѣ есть церковь краснѣишая [...] имать врата трои: едина къ сѣверу (πρὸς τὸν ἄρκτον), и иная къ трамунтанъ (πρὸς τὴν τραμουτάναν), яже имать и двѣ лѣствицы, едина степени 10; вторая 8; третья же врата совершенно задѣлана [Каллуда 1883: 25; Kalludes 1690: 103].

Арсению нужно различить двое дверей с северной стороны Голгофской часовни: один вход расположен строго на север (который он традиционным образом называет ἄρκτις), а другой вход, с двумя лестницами, расположен (как сегодня, так и в XVII в., см., в частности, изображения того времени: [Travelogues]) на северо-восток часовни, и тут он пользуется морским итальянизмом, которым в греческой розе ветров обозначается направление норд-ост («*tramontana*, gr. vulg. fem. nord, vent du nord; Nord-Est du compas» — [Jal 1848: 1475])⁷. Грамматически заимствование имеет у Арсения неизменяемую форму с артиклем женского рода единственного числа⁸. Евфимий Чудовский, переводы которого известны своей буквальностью, оставляет слово *траμουτάναν* без перевода и также употребляет его как неизменяемое: *къ трамунтанъ*.

Таким образом, *tramontana* (как и *barka*) проникает в XVII в. в русские источники по меньшей мере дважды — и через греческий (в значении ‘северо-восток’), и десятью годами позднее непосредственно из итальянского (в значении ‘северный ветер’; о проникновении итальянизмов через переводы с греческого в XVII в. см. также [Щекин 2014]). На этом примере лишний раз находим подтверждение мысли Э. Гербеццы о важности обращения непосредственно к текстам, источникам заимствования.

Dolce far niente, блаженное ничегонеделание, сладкое ничегонеделание, сладкое безделье, блаженное безделье — явственная итальянская нота в русской литературе

⁵ Так же обстоит дело и с другими репликами этого итальянизма (в белорусском, украинском, словацком, болгарском и хорватском) [ЕСУМ: 5, 618].

⁶ За указание на эту лемму и на электронную версию греческого источника я благодарна Р. Н. Кривко.

⁷ Составители древнерусского словаря, ошибочно связав трамунтанъ с ит. *tramonto* ‘закат’, указывают для славянской леммы значение ‘запад’.

⁸ Женский род имеет это слово (со значениями ‘север’ и/или ‘Полярная звезда’) уже и в более ранних византийских источниках [Trapp 2017: 1795].

и культуре начала XIX и начала XX в. Это выражение очевидным образом было в ходу в кругу образованных русских людей пушкинского времени. К. Батюшков, знаток итальянской поэзии и переводчик Тассо, иронически рассказывая Н. Гнедичу о своих деревенских занятиях, пишет: «3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом *il dolce far niente*» (письмо от 30 сентября 1810 г. — [Батюшков 1989: 145]). Частично это клише цитируется Пушкиным в «Евгении Онегине» (*И far niente мой закон*, гл. 1, LV). Кальки в особенности трудно поддаются выявлению, тем более что словарями они вместе со своими прототипами фиксируются лишь в исключительных случаях, обычно или только русская реплика, или только источник. Но кое-что в лексикографии все же есть. Имею в виду итальянский материал «Словаря иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова. Выражение *dolce far niente* представлено здесь, разумеется, только употреблениями в качестве иноязычного вкрапления в русских текстах [Бабкин, Шендецов 1981: 360–361], что не должно было бы стать препятствием для введения в словарь итальянизмов, так как Э. Гербецца, вообще говоря, учитывает вариацию графического облика (ср. *dolce*, р. 141). Кроме того, *dolce far niente* есть в НКРЯ, пусть и с недостаточной полнотой (писем Батюшкова, например, нет): в основном корпусе в латинской графике 25 вхождений (от 1845 до 2008 года), в русской графике — 4 вхождения *сладкое безделье* (1892–2008), 2 вхождения *сладкое ничегонеделание* (1894 и 1993 годов), 3 вхождения *блаженное ничегонеделание* (самое раннее в 1968 году), 4 вхождения *блаженное безделье* (от 1970-х до 2010-х гг.). Поэтический корпус дополнительно содержит еще два (кроме приведенного пушкинского) примера для *dolce far niente*, один из которых — одноименное стихотворение В. Брюсова 1924 года и для *сладкое безделье* — 1 пример у Э. Багрицкого. Отмечу окказиональное образование *долчефарниентовый*, встретившееся в письме историка литературы Е. И. Боричевского к С. Киссину (Муни) с критикой его стихов о лени и, в свою очередь, с собственной философией *dolce far niente*: «Лень в седьмой день не есть лень, а заслуженный отдых. Лень долчефарниентовая не есть лень, а душевное сосредоточение и собирание сил перед творчеством» (письмо от 14 января 1915 г. — [Киссин (Муни) 1999: 181]). Ограничусь этими примерами — из них видно, что данное выражение развило в русском культурном контексте своеобразную семантику и заслуживает более детального исследования.

Кроме словаря Бабкина и Шендецова, незаслуженно, как кажется, выпал из поля зрения Э. Гербеццы историко-лексикологический том «Исторической грамматики» В. Кипарского [1975]. В списке Кипарского [1975: 123–124] слов совсем немного, 23 (он отмечал заимствования только петровской эпохи), но 3 из них, несомненные итальянизмы, все же не вошли в словарь Э. Гербеццы, а именно:

фавор (ит. *favore*)

фаворит (ит. *favorito*)

форестьер ‘иностранец’ (ит. *forestiero*, впервые у Куракина; в НКРЯ 12 контекстов, начиная с эпистолярного гоголевского: *В Риме шумно более, нежели сколько бы желалось. Форестьеров гибель. Русских, английских, французских — хоть метлой мети.*).

По меньшей мере в одном случае некоторая фиксированность Кипарского на данных языка Б. И. Куракина сыграла безусловно положительную роль: слово

ария впервые упомянуто в 1717 году именно Куракиным, однако не в музыкальном значении, а в смысле ‘воздух’ [Kiparsky 1975: 54–55]; эта полисемия, к сожалению, ускользает от внимания Э. Гербеццы без обращения к тексту источника.

Для *agio* — через фр. *l'agio* — *лажа* в словаре отмечена форма мужского рода *лаж*, но в женском роде есть уже в XIX в. в исконном, по-видимому, финансовом значении, о чем в НКРЯ свидетельствует по крайней мере один контекст:

Интересен доклад от шаншу Хубу, с предложением проекта, дабы пожертвованный лаоми из Тайваня и с берегов Фуцзяня и Кантона перевозился на купеческих судах не за плату, а с дачею за то привилегии — привозить на тех же судах и товар в пропорции, в сравнении с лажею лаоми 8/10: 2/10 беспошлинно [К. А. Скачков. Мой дневник (1853)].

Сейчас живо только жаргонное *лажа* в значениях ‘ерунда, чушь, безделица; ложь, подделка; что-то нежелательное; блеф’ [Елистратов 1994: 222]. Первоначально, возможно, в жаргоне музыкантов (семантический переход ‘денежная промена — подмена, ошибка’), ср.:

Раньше слово “капуста”, например, мог употребить только фарцовщик. Слово “лажа” — только музыкант. Слово “кум”, допустим, — только блатной. [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990]

О происхождении этого жаргонизма от старого *лаж* составитель Словаря московского арго говорит предположительно: «Возм. из уг. или от устар. “лаж” — обмен, приплата к одной разновидности монеты при обмене ее на другую, напр. бумажных денег на серебро, серебра на золото и т. п., прибавочная стоимость монеты при уплате ею за товар» [Елистратов 1994: 222]. Теперь можно с большей определенностью говорить о слове *лажа* как об итальянизме.

Приведенные соображения следует понимать как первые заметки при благодарном встречном чтении, к которому приглашает замечательный словарь Э. Гербеццы.

Библиография

Бабкин, Шендецов 1981

Бабкин А. М., Шендецов В. В., *Словарь иноязычных выражений и слов: А–Ж*, изд. 2-е, перераб. и доп., Ленинград, 1981.

Батюшков 1989

Батюшков К. Н., *Сочинения, 2: Из записных книжек. Письма*. Сост., подгот. текста, коммент. А. Л. Зорина, Москва, 1989.

Виноградов 1999

Виноградов В. В., *История слов*, Москва, 1999.

Елистратов 1994

Елистратов В. С., *Словарь московского арго (материалы 1980–1994 г.г.)*, Москва, 1994.

ЕСУМ 2006

Етимологичний словник української мови, 5: Р–Т, Київ, 2006.

Каллуда 1883

Леонид, архим. (изд.), *Просквинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году с греческого на славянский диалект перевел чудовской монах Евфимий в 1686 году: (из Синодальной рукописи, in 4°, № 543)*, С.-Петербург, 1883.

Киссин (Муни) 1999

Киссин С. (Муни), *Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В. Ф. Ходасевичем*, подгот. издания И. Андреевой, Москва, 1999.

Космолинская 2011

Космолинская Г. А., *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели*, Москва, 2011.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Прохоров 1976

Прохоров Г. М., *Летописная повесть о Митяе, Труды отдела древнерусской литературы*, 30, Ленинград, 1976, 238-254.

РЭС, 1–13

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, Москва, 2007–2019–.

Седов 2000

Седов Вл. В., вступ. статья, *Итальянские архитекторы для России XV–XX вв. Архитектурные проекты итальянских зодчих из собрания Музея архитектуры имени А. В. Щусева*, Москва, 2000.

СлРЯ XI–XVII в., 1–30

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1974–2019–.

Щекин 2014

Щекин А. С., Морские термины итальянского происхождения в русском переводе новогреческой Хроники Псевдо-Дорофея XVII века, Черняк В. Д., отв. ред., *Слово, Словарь, Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (Материалы Всероссийской научной конференции к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко)*, 2, С.-Петербург, 2014, 104-107.

DIFIT

Stammerjohann H. et al., a cura di, *Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco*, Firenze, 2008.

DLP

Vincenz A. de, Hentschel G. et al., *Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache: Von den Anfängen des polnischen Schrifttums bis in die Mitte des 20. Jahrhunderts* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 20) (<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdpl/>; <http://lwp.ids-mannheim.de/dict/wdpl>).

Gherbezza 2012

Gherbezza E., *Per lo studio degli italianismi nella lingua russa, Russica Romana*, 19, 2012, 117–132.

Jal 1848

Jal A. et al., *Glossaire nautique: Répertoire polyglotte de termes de marine anciens et modernes*, Paris, 1848.

Kalludes 1690

Kalludes A., *Proskynetarion Tōn Hierōn topōn hopu heriskontai eis Tēn Hagian Polin Hierusalem (Descriptio sacrorum locorum urbis Hierosolymarum, nunc dehno impressa et correcta cura Georgii Hierodiaconi Magiotti.)*. Benetiēsi, 1690.

Kiparsky 1975

Kiparsky V., *Russische historische Grammatik, 3: Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg, 1975.

Sedov 2004

Sedov V., Italia: l'esportazione della bellezza, *Da Giotto a Malevič. La reciproca meraviglia. Catalog of an exhibition held at the Scuderie del Quirinale, Roma, Ott. 2, 2004 – Genn. 9, 2005*, [Milano], 40-45.

Stammerjohann 2010

Stammerjohann H., Italianismi, *Enciclopedia dell'italiano*, Simone R., a cura di, Firenze, 2010.

Trapp 2017

Trapp E. et al., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts*, 8, Wien, 2017.

Travelogues

Golgotha, *Travelogues, Travellers' Views, Places – Monuments – People. Southeastern Europe – Eastern Mediterranean Greece – Asia Minor – Southern Italy, 15th–20th century*. Aikaterini Laskaridis Foundation (<https://eng.travelogues.gr/>).

References

Andreeva I. M., ed., Kissin (Muni), S. V., *The Easy Yoke: Collected Poems and Prose. Letters to V. F. Khodasevich*, Moscow, 1999.

Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, Moscow, 2007–2019–.

Babkin A. M., Shendetsov V. V., *Slovar' ino-iazыchnykh vyrazhenii i slov: A – J*, 2nd ed., Leningrad, 1981.

Gherbezza E., Per lo studio degli italianismi nella lingua russa, *Russica Romana*, 19, 2012, 117–132.

Kiparsky V., *Russische historische Grammatik, 3: Entwicklung des Wortschatzes*, Heidelberg, 1975.

Kosmolinskaya G. A., *Russkii Bertol'do. Sud'ba ital'ianskogo komicheskogo romana v Rossii XVIII veka: rukopisi, izdaniia, chitateli*, Moscow, 2011.

Prokhorov G. M., Letopisnaia povest' o Mitiaie, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 30, Leningrad, 1976, 238–254.

Sedov V. V., introd., *Architetti italiani per la Russia dal XV al XX secolo*, Moscow, 2000.

Sedov V., Italia: l'esportazione della bellezza, *Da Giotto a Malevič. La reciproca meraviglia. Catalog of*

an exhibition held at the Scuderie del Quirinale, Rome, Oct. 2, 2004–Jan. 9, 2005. [Milano], 2004, 40–45.

Shchekin A. S., Morskii terminy ital'ianskogo proiskhozhdeniia v russkom perevode novogrecheskoi Khroniki Psevdo-Dorofeia XVII veka, V. D. Chernyak, ed., *Slovo. Slovar', Slovesnost': Kommunikatsiia. Tekst. Sintaksis (Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii k 90-letiiu so dnia rozhdeniia S. G. Il'enko)*, 2, St.-Petersburg, 2014, 104–107.

Stammerjohann H., a cura di, *Dizionario di italianismi in francese, inglese, tedesco*, Firenze, 2008.

Stammerjohann H., Italianismi, *Enciclopedia dell'italiano*, R. Simone, a cura di, Firenze, 2010.

Trapp E., *Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9. – 12. Jahrhunderts*, 8, Wien, 2017.

Vinogradov V. V., *A History of Words*, Moscow, 1999.

Yelistratov V. S., *Slovar' moskovskogo argo (materialy 1980–1994 gg.)*, Moscow, 1994.

Zorin A. L., ed., Batyushkov K. N. *Sochineniia*, 2: *Iz zapisnykh knizhek. Pis'ma*, Moscow, 1989.

Марина Анатольевна Бобрик, кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

1191019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

marina.bobrik@online.de

Received February 19, 2020